

УДК 39(=512.122)

DOI 10.37386/2413-4481-2021-1-98-104

А.Х. Рыскильдин, Д.У. Рыскильдина

Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова, г. Алматы, Казахстан

ШЕЖИРЕ РОДА ЕСТЕК ПО ГЕНОНИМИИ И ТРАНЗИТУ ЭТНИЧНОСТИ ИШТЯК/ЕСТЕК В КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ XVIII–XIX ВВ.

В статье сообщается о преданиях рода естек по поводу событий и ритуалов интеграции в казахское общество XVIII в., которые могут быть использованы для понимания средневековых маркеров естек, иштяк, эштек, остяк, хешдек как генонимов. Относительно указанных обозначений существует обширная и дискуссионная историография, что объясняется различиями в источниках и методологических предпочтениях. Для разрешения противоречий между угорской и тюркской этимологией понятий были предложены разные идеи, включая конструктивистское толкование как соционима в отношении ясачных подданных на Урале и в Сибири. Что показательно для восприятия сословия ясачных со стороны царских администраторов, но не исключает этнического содержания маркеров, если обратиться к аутентичным свидетельствам тюркской исторической памяти.

Ключевые слова: иштяк, естек, остяк, этноним, соционим, геноним, ясачное сословие, шейбаниды, шежире, историческая память, транзит этничности.

A.Kh. Ryskildin, D.U. Ryskildina

Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan

SHEZHIRE OF THE GENUS ESTEK BY GENONYMY AND TRANSIT OF ETHNICITY ISHTYAK / ESTEK IN THE KAZAKH SOCIETY OF THE 18TH–19TH CENTURIES

The article deals with the legends of the family of Estek about the events and rituals of integration into the Kazakh community of the 18th century, which can be used to understand the medieval markers of Estek, Ishtyak, Estek, Ostyak, Heshdek as genonyms. There is an extensive and controversial historiography regarding the designations of these concepts, which is explained by differences in sources and methodological preferences. To resolve the contradictions between the Ugric and Turkic etymology of the concepts, various ideas were proposed, including the constructivist interpretation of the yasak subjects in the Urals and Siberia as a socionym. This is indicative of the perception of the yasak estate by the tsarist administrators, but does not exclude the ethnic content of the markers, if we turn to the authentic evidence of the Turkic historical memory.

Key words: ishtyak, estek, ostyak, ethnonym, socionym, genonym, yasak estate, sheybanids, shezhire, historical memory, transit of ethnicity.

Полемика по поводу этимологии и семантики средневековых понятий «иштяк», «остяк», «хэшдек», «естек» продолжается не первое столетие и может служить иллюстрацией смены методологических подходов в историко-этнографическом знании применительно к региону Зауралья и Западной Сибири. Угорская теория этимологии и этнонимии «остяк», «иштяк» опиралась на сибирские летописи, заметки путешественников и царские архивы XVII–XIX вв. С XX в. в научный оборот вводились источники тюркской исторической памяти (шежире, дастаны), где была очевидна тюркская этимология и этнонимия обозначений «иштяк», «хэшдек», «естек». В 2015 г. Г. Самигуллин и Д.Н. Маслюженко заявили конструктивистское объяснение маркера как соционима, чтобы

отойти от порождаемых примордиалистским видением противоречий этнического толкования.

Обращение к аутентичным источникам шежире – семейной микроистории родов естек о событиях их инкорпорации и ассимиляции в казахском обществе XVIII–XIX вв. перспективно. Эти источники могут быть интерпретированы с учетом роли исторической памяти и культурной традиции в сохранении, упругости или транзите и замещении этнической идентичности. Открываются возможности для понимания того, как изменялось содержание этих понятий применительно к разным сообществам, обозначая разные аспекты их статуса, что позволяет трактовать термин как политоним, соционим, этноним или геноним с позиций внешнего восприятия.

В этнографии XIX в. представление об угорском происхождении остяков опиралось на известия сибирских летописей о контактах подданных Ивана III и Ивана IV с данниками Шейбанидов-Кучумовичей. Впервые (кодские, казымские) *остяки*, под ними понимались ханты, упоминаются с 1499 г. [1, с. 251]. В «Летописи сибирской» [2] остяки указаны данниками Кучум-хана, наряду с князем Пелымским, иными вассалами, но отдельно от башкир и служилых татар. Русские отличали язычество остяков и «бусурменство» (ислам) башкир и сибирских татар, перечисляя их отдельно, «бусурменский» язык сибирских татар, остяков и «вогуличь». Н. Витсен в 1692 г. различает остяков и тюрков: «Остяки... народ робкий по натуре, не такой воинственный, как киргизы, и очень бедный, не алчный, не жадный, не завистливый, не мстительный и покладистый в обращении... Насколько остяки и тунгусы кротки и добры, настолько калмаки, башкиры и мугалы жестоки» [3].

Г.Ф. Миллер [4, с. 187] и И.Э. Фишер связывали остяков с сибирскими народами, а не с пермяками и удмуртами. «Юштяк есть татарское слово и значит то же самое, что у греков парпар, то есть чужеземца, пришельца, так же дикаго непросвещенного человека...» [5, с. 631]. В ясачных книгах Томского уезда XVIII в. волости делились на остяцкие и татарские, по различию вероисповедания. Г. Новицкий пишет: «Остяки себя так не называют, именуют “Кондия” (ханты), а название это внешнее, из-за сыродения, “поедания останков”, либо от татарского “уштяк”, что означает “грубый, невежественный”» [6, с. 39].

В XX в. происхождение остяков привлекло венгерских ученых. Г.Ю. Клапрот возводит *остяк/иштяк* к финно-угорскому *ас-ях*, где «ас» – название р. Обь, «ях» – народ («ас-ях» – «обский народ»). Г. Вамбери связывает с «уст» (верх) и «як» (сторона). Б. Мункачи читает остяк как «обский угр». А. Рона-Таш видит в остяках предков мадьяр, мигрировавших из Восточной Европы в Западную Сибирь [7, с. 49–58].

По мере накопления сведений, отметим записи Н.Ф. Катанова о войне чулымских тюрков с кетами [8, с. 18–28], стало очевидным несоответствие угорской этнонимии *остяк/иштяк* эмпирическим данным, подтверждающим тюркскую этимологию. В 1970-е гг. Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов, И. Галяутдинов, Р. Янгузин ввели в оборот башкирские шежере [9]. Н.А. Томилов писал, что казахи называли сибирских татар уштяк, иштяк, эштек [10, с. 32]. Выяснилось, что этим понятием обозначались не только ханты (угры), но и бара-

бинские татары, тюрки Алтая. З. Тычинских пишет, что в Сибири татарами нередко называли башкир [11, с. 5]. Заново подтвердилось, что ханты себя остяками не считают, не называют [12, с. 1–5]. По отношению к ним уместнее говорить об экзоэтнониме *остяк*, унаследованном русскими со времен колонизации Сибири.

Эштеки нередко упоминаются в киргизском эпосе «Манас». Абу-л-гази писал об иштяках: «Кыпчакский народ собрался, произошла битва. Джучи-хан победил и перебил всех попавших ему в руки кипчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам» [13, с. 44]. Иоганка Венгр в XIV в. пишет об «Эстокисе, государе всей Баскардии» [14, с. 22]. О «хэшдеках» пишет в «Саяхат-наме» турецкий ученый Эвлия Челеби. Казахский хан Тауке писал османскому султану Ахмеду III в 1711 г., призывая халифа освободить народ «Ака Аштак» от власти неверных [15, с. 93]. В переписке Ахмеда III и хивинского хана Каипа [16, с. 111–112] хэшдеки названы мусульманами, что не относимо к угорским племенам. М. Тынышпаев так же уверенно отождествлял естек в казахских преданиях с башкирами [17, с. 211].

Высказывались мнения, что под остяками следует понимать не только хантов, селькупов, кетов, но и тюркизированных угров, принявших ислам хантов и тюрков [18, с. 135–149]. А.К. Салмин пишет: «Остяки – более позднее, русское наименование, просуществовавшее в 1499–1930 гг., так называли население севера Башкирии и юга Пермской области. В.В. Напольских полагает, что в число остяков включали не принявших ислам башкир и пермских татар. В XVII–XIX вв. это название применяется уже к хантам и селькупам» [19, с. 1–5]. Ю.М. Юсупов считает, что под термином «хэшдек», который приводится в «Саяхат-наме» Эвлия Челеби, надо понимать несколько этносов, ведущих кочевой образ жизни [20]. Е.В. Барсуков видит в «остяках» не только угорское, но и тюркское население [21, с. 89].

Интерес к проблеме отражают любопытные гипотезы Р.М. Юсупова [22, с. 59–61], М.З. Закиева [23, с. 286], Т. Акерова [24, с. 171–179].

Д.М. Исхаков, в соавторстве с З.А. Тычинских, в 2013 г. признает «иштяков/остяков» башкирами, «иногда именовавшихся татарами (?) бассейна р. Тулвы в Среднем Приуралье» [25, с. 133]. В 2019 г. он уточнил, что изначально средневековая угорская, но позже значительно тюркизированная этническая общность «иштяк/уштяк» в результате состоявшихся под властью царя преобразований в XVI–XVIII вв. разделилась на пермских, сибирских, уральских татар и башкир [26, с. 160–176].

В 2019 г. вышел сборник, посвященный понятию *остяк*, *иштяк*. Г. Самигулин и Д. Маслюженко определили его как соционим, обозначающий ясачное постордынское население на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVII вв.: «Отход от этнического толкования иштяк/остяк позволяет устранить явные противоречия отдельно угорской и тюркской версии известным источникам, которые «могут быть не противоречиво объяснены только в одном случае – если термин «остяк» в документах обозначает не народ, родоплеменную или языковую группу, а группу социальную. Соответственно, сочетания «башкиры и остяки», «татары и остяки» являются не констатацией сложного состава описываемых групп, а устоявшимся оборотом делопроизводственной речи того времени, где слова «башкиры» или «татары» выступают маркером языковой (тюркской) принадлежности, а понятие «остяки» показывает их принадлежность к податному населению» [27, с. 371].

В.В. Трепавлов подчеркнул статусные различия между ногайскими (правящим) и иштякскими (ясачными) группами в постордынских сообществах [28, с. 99–112]. Ж.М. Сабитов сопоставил сведения казахских шежире с генетическими данными, где в немалой мере проявились связи башкир и казахских естек [29, с. 116–119].

Генетические исследования по сибирским татарам изданы в сборнике под редакцией З.А. Тычинских [30, с. 32–36], В.Г. Волковым [31, с. 15–18], Ж.М. Сабитовым, М.М. Акчуриным [32, с. 32–36]. Выявились следы устойчивых популяционных различий между служилым (более тюркский компонент) и ясачным (более угорский) сословиями. Это подтверждает тезис о социальных и этнических границах, но оставляет открытыми ряд вопросов. Какова этимология термина *остяк/иштяк*? Могли ли среди ясачных иштяков/остяков находиться не только угры, но и тюрки (не принявшие ислам), в свою очередь подвергшиеся уторизации в границах ясачного сословия. С какого момента, по каким причинам происходил транзит этничности и в какой момент для той или иной группы он оказался окончательным?

Определение понятия *иштяк/остяк* как соционима для ясачного сословия, несомненно, важная конкретизация одного из использовавшихся в прошлом значений. Но если быть последовательным в применении конструктивистских идей того же Ф. Барта [33, с. 9–49], возникают вопросы: каковы были социальные границы (кроме ясачного статуса) и, возможно, культурные различия, чтобы поддерживать социальную неоднородность несколько столетий? Чтобы исключить

значимость или сложение устойчивой этнической традиции и этнонимии.

Представляется, что предложенное (ввиду несостоятельности угорской теории) объяснение «иштяк» как соционима показательно лишь в отражении восприятия коренных народов Урала и Сибири в представлениях российских администраторов XVI–XVIII вв., поскольку большей частью опирается на нерелевантные для этимологии сведения царского документооборота. Тогда как обращение к свидетельствам тюркской исторической памяти, напротив, проявляет широкий спектр значений, включая этнический.

Внимание к аутентичным свидетельствам исторической памяти подчеркивает П.С. Стефанович, критикуя некорректное по отношению к реалиям пре-модерна использование конструктивистских подходов в духе Э. Геллнера, обоснованно ограничивая их допустимость к сообществам индустриального модерна. Также он освещает модель Р. Венкуса – В. Поля («венская школа»), созвучную идеям Ю. Бромлея о различении «этнокос» (элиты) и «ЭСО», но с дополнениями по поводу синтезирующей этничности роли «традиции», под которой следует видеть культурно-обусловленные сценарии «исторической памяти», стереотипы и архетипы воспитания. Как их видели М. Элиаде, историки школы «Анналы»: «распознать (а в некоторых случаях и реконструировать) эту традицию можно по позднейшим, сохранившимся в передаче средневековых авторов, рассказам о происхождении тех или иных «племен» [34, с. 467–487].

Такой подход оправдан для уяснения значений средневекового маркера иштяк (как и производных остяк, естек, хэшдек), которые лучше воспринимать в контексте конкретно-исторической длительности и обстановки, с учетом восприятия «наблюдателя», внешней и внутренней критики источника, чтобы надежнее различать статусное и/или этническое толкование, нежели умножать сущности.

Особенность самоидентификации этнических сообществ, в отличие от групп, в основу которых положены границы политико-правового статуса или культурных (конфессиональных, языковых) различий, состоит в том, что в этом случае человек и группа соотносят образ поведения не только с лимитирующими выбор внешними обстоятельствами, но и с культурно-обусловленной ценностной программой воспитания, присутствующей в традиции самосознания и исторической памяти (не просто «воображаемой», чаще практикуемой с детства). Эта традиция памяти сохраняет:

а) ориентир на порядок ценностных приоритетов, стереотипы и архетипы этики и морали; б) ориентир на решения прототипа («отца-основателя», «первопредка», «родоначальника»), пример которого задает модель соответствия (идентичности); в) задает критерии различения «свой – чужой», «я – мы – они», «община – союзники – недруги». Социальные и культурные границы, закрепляясь в памяти поколений, создают условия для обретения этнического качества и статуса общности.

Под этничностью авторы понимают качественное состояние и устойчивые характеристики сообщества, поддерживающего границы политико-правового статуса и конфессиональные, языковые (культурные) различия, способного воспроизводить стереотипы и архетипы традиции воспитания и исторической памяти в непрерывной длительности, хотя бы пяти-семи поколений. Условно, «народ делают бабушки». Деструкция социальных границ не влечет немедленное прекращение этничности, поскольку инерция и активное поддержание культурных границ, исторической памяти сохраняют возможность упругости, реабилитации и адаптации традиции в новых условиях. В отсутствие традиции либо ее угасании происходит утрата, замещение и транзит этничности.

Для распознавания этнического статуса изучаемых сообществ важно установить наличие: а) социальных границ; б) культурных различий; в) воспроизводство аутентичной исторической памяти и традиции воспитания (удел элиты – этникос). Соразмерно применить масштаб исторической длительности (хронологические рамки). Правы историки школы «Анналы» – «масштаб создает явление», в том числе наблюдаемой этничности, для констатации которой важны социокультурные границы, традиции и хронологические рамки.

Важное объяснение предложил З.Г. Аминев. Он пояснил отмеченное Валиди Тоганом [16, с. 27–29] деление башкир на внешних и внутренних (is – «внутреннее», tegi – «община, род», тюркск.) как отражение древней (доисламской) дуальной организации тюркского социума: «Башкирский этноним «иштяк» (иштэк) возник во времена господства мифологического мышления и означал восточную и южную части башкирского населения, в отличие от «внешних», проживавших в западной и северной части. Предки казахов – кимаки, кипчаки, как раз контактировали с юго-восточными «внутренними» («иштяге», на современном башкирском языке – эстэге) башкирами» [35, с. 194].

Мнение З.Г. Аминева, при всей убедительности подхода, географически спорно. Если is-тегі – это внутренние рода (южные и восточные), исходя из вектора тюркской экспансии с востока на запад в I тыс. н. э., а «кузей» – внешние (западные и северные), то почему более южные тюрки называли естеками не только северо-западных башкир, но и северо-восточных тюрков Алтая? Если тому способствовали перипетии средневековья, то какие именно и насколько долго, чтобы изменить векторы пространственной ориентации кочевников (весьма консервативные) и этнические маркеры?

Скорее внутренними в I тыс. н. э. признавались северные и восточные общины, а внешними – южные и западные. Экспансия кочевников с Алтая на запад шла широкой полосой: часть зимовала в лесостепной зоне и двигалась на Урал, другая двигалась на юг, зимую в Семиречье, по Сырдарье к Прикаспию. Летние кочевья в степи делили сообща. В X–XI вв. баш-инак (печенеги) были вытеснены из Приаралья в Причерноморье и на Балканы, где отмечены как внешние башкиры. Сообщение Абулгази, что кипчаки после поражения от монголов ушли к иштякам, означает, что ушли они на Урал, на север. Понимание севера как «внутренней» стороны явно предпочтительнее. Когда таких имамов, как Садуакас Гылмани (выходец из естек), в XX в. ссылали в Сибирь, казахи говорили о ссылке – *ishke jiberdy*.

Интересны сохранившиеся в памяти казахов рода естек сведения, собранные нами от информаторов, выходцев из мест расселения естек на севере Казахстана. Составитель шежире кете-естек М.Б. Багитов из г. Актобе сообщил, что ранее они жили в с. Ойыл, где была ханская ставка. Его сведения надежны в пределах десяти поколений, от середины XVIII в. Предания по включению Балта(с)-естек, Сары-Естек, Жаман-естек в кете соответствуют данным Н. Алсынбаева [36, с. 65–124]. В 1755 г. Нуралы-хан жаловался губернатору А. Неплюеву, что «китянский род» вступился за башкирских переселенцев, они сообща отбили его набег. Это объясняет, почему естеки вошли именно в род кете-алимулы [15, с. 59].

В Костанайской области кладбища рода умбетей-естек находятся близ сел Казанбасы, Каракалпак, Аманкарагай, в местах ханских зимовок. Акимбек-кажи Нурмухамедов (из рода аргын) передает: «По словам аксакалов, естеки служили ханскими туленгутами и ранее собирали закят с окрестных казахов». Имам Багитжан-кажи Икрам, З-Г. Калиулы сообщили об имевшей место стигматизации происхождения из естек, подтвер-

дили легенду «усыновления» предка родом умбетей-аргын.

Предание об обряде «усыновление» Жаухай-естека Жапек-батыром из рода атыгай-аргын и его женой Кежек-ана около середины XVIII в. поведал Г.М. Тулепбергенов, потомок Жаухая в десятом колене. Передается, что когда род атыгай расширял кочевья вниз по р. Ишим, навстречу появилось сорок вооруженных естек в главе с Жаухаем. Было принято за лучшее «породниться». При стечении народа Кежек-ана, спрятав Жаухая за длинный подол, имитировала «роды». После было совершено жертвоприношение овцы, и Кежек-ана объявила материнское проклятие на того, кто помянет происхождение Жаухая из естек: «*Kemde-kim menin balamnyn estek aittur qoisa, aq sutymdy quqqe sauamyn*». Предание он решил сообщить будучи историком. Им опубликована статья о столкновениях рода атыгай-аргын с естеками за кочевья по р. Ишим [37, с. 334]. Он же сообщил о связи естек с топонимами Шудасай (затоплена) и Баганаты в Северо-Казахстанской области.

Краевед Т. Ерденев из с. Карлыкколь Акмолинской области сообщил о схватках естек с родом караул-аргын в XVIII в. за уголья близ с. Альжан Северо-Казахстанской области, когда аргыны занимали кочевья на севере Сары Арки. По преданию естек Кошкарбай-батыр был убит спящим. После чего естеки ушли на запад, куда позже вывезли и перезахоронили останки батыра.

В сочинениях М.Ж. Копеева [38, с. 192] есть ссылка на дастан «Карабатыр и Кошкарбай». В нем повествуется о набегах кипчака Кошкарбай-батыра и включении естек в род кулан-кипчак, о хане естек Баяндере (прототипом мог быть каракалпакский Бахадыр-хан, сын Каипа, его признавали ханом усерганские и бурзянские башкиры). Объем статьи не позволяет изложить красочный дастан, полученный от З.-Г. Калиева, чтобы комментировать расселение естек на Урале, в Сибири, Приаралье – в районах политического присутствия Шейбанидов-Кучумовичей – каракалпакских, башкирских, сибирских ханов. О пребывании естек в Приаралье писали Тоган [39, с. 109, 374] и Т.М. Аюпов [40, с. 25–29].

Валиди Тоган, цитируя письмо Урус-мурзы, в отличие от Г. Самигуллина и Д.Н. Маслюженко, допускает не только статусное, но и этническое значение слова остяк: «...Башкиры и остяки в моем подданстве, подати платят мне». В русском источнике, относящимся к 1572 г., пишется о том, что живущие в бассейне р. Кама черемисы, остяки, башкиры не подчинились русским Строгано-

вым. И в данном случае остяки упоминаются вместе с башкирами. Остяки относились к финским племенам. Позже истеками, иштеками стали называть иногда башкир, живущих на севере своей страны, иногда его приписывали всем башкирам (казах-киргизы и крымцы, а вслед за ними и османцы). В письме Урус-мурзы это слово «остяк» могло относиться к тептярам, живущим в Уфимском вилайете вместе с башкирами [18, с. 43–44].

Очевидно, значение «иштяк» (остяк, эштек, хэштек) в ходе веков менялось, отражая смену статусных состояний, маркируемых категориями политонима, этнонима, генонима, в динамике вертикальной мобильности. Значение политонима применимо к периодам, когда иштяки обладали политической самостоятельностью, например в ханстве Шейбанидов. Вслед за включением в казахское общество термин естек приобрел значение генонима как маркер внутривнутриполитического деления. Родословие (генонимия) у кочевников выполняло те же функции, что и фамилия в оседлых, маркируя принадлежность к клану, с интеграцией на условиях действительного или мнимого родства. Ж.О. Артыкбаев поддерживает В.В. Радлова, Н. Аристову и пишет: «Генеалогические родство, распространенное среди кочевников, является всего-навсего идеологическим прикрытием конкретных хозяйственных, политических и военных связей» [41, с. 13, 21, 53]. В I тыс. н. э. оно обозначало тюркские племена, зимовавшие в лесостепной зоне от Алтая до Урала, в отличие от тюрков, зимовавших южнее, несло этно-территориальное различие. С IX–X вв. после исламизации башкир и обособления от тюрков-язычников началось различие иштяков и башкир. Нашествие монголов в XIII в. не привело к возникновению политических границ. Но с XIV в. после исламизации джучидов статусные различия зависели от конфессиональных: башкиры и сибирские татары-мусульмане состояли в служилом сословии, язычники же (тюркские и угорские) пребывали в ясачном статусе, обозначались иштяками, остяками.

Эту структуру соционимии и этнонимии застали и унаследовали царские чиновники. Часть башкир и служилых татар-мусульман приняла подданство России, другая участвовала во фронтире на стороне Кучумовичей. Для ясачных остяков фронт привел к двоеданству.

Доля угров в ясачном сословии уже с начала продвижения империи в Сибирь была преобладающей. Это породило представление воевод об остяках как только уграх, что отразилось в регистрах. Для среднеазиатских тюрков, соприкасав-

шихся с подданными Кучумовичей с юга, более значимыми оказались прежние этно-территориальные маркеры. Общность вероисповедания, кочевого хозяйства и происхождения не служили задачам различения.

В XVIII в. на южной границе фронта Кучумовичей, по мере ослабления в борьбе с Джунгарским каганатом, с казахскими ханами, политические границы ханства Шейбанидов стирались. Это влекло утрату значения термина как политонима и этнонима. Вчерашние подданные Кучумовичей естеки становились туленгутами – служилыми подданными казахских ханов [41, с. 57, 63]. Маркер естек, теряя значение этнонима, обретал значение генонима, означая внутривосточные группы.

В XIX в., вслед за ликвидацией ханской власти у казахов и статуса туленгутов, естеки вынужден-

но инкорпорировались с окружающими казахскими родами. В местах компактного проживания, например в районе Ойыла, сформировалась группа кете-естек. В районе Аманкарагая и Тургая возник род умбетей-естек. Когда естеки входили в состав семей-реципиентов фрагментарно, генонимия терялась. Как было при включении естек в состав рода атыгай-аргын. По мере инкорпорации и ликвидации социальных границ, шел процесс утраты исторической памяти и ассимиляции естек среди казахов, завершившийся в XIX в.

Предложенный вариант реконструкции последовательной смены значений слов иштяк, *остяк*, естек, на наш взгляд, отражает динамику политических и этнических преобразований, оставивших след в восприятии маркера как политонима, этнонима, генонима.

Библиографический список

1. Напольских В. В. Йогра (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yogra-rannie-obsko-ugorsko-permskie-kontakty-i-etnonimiya/viewer> (дата обращения: 31.10.2020).
2. Летопись Сибирская: Содержащая повествование о взятии Сибирских земель русскими, при царе Иоанне Васильевиче Грозном / С кратким изложением предшествовавших оному событий; издана с рукописи XVII в. СПб., 1821.
3. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. URL: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya> (дата обращения: 31.10.2020).
4. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 339–340.
5. Фишер И. Э. Сибирская история от самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774. С. 631.
6. Новицкий Г. Краткое описание народа остяцкого. Новосибирск: Новосибиргиз, 1941.
7. Рона-таш А. Иштэк // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 49–58.
8. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1904. Вып. XIV. С. 18–28.
9. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 3. Оп. 93. Д. 1. Л. 58–69 об.
10. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1992.
11. Тычинских З. А., Муратова С. Р. Свидетельства ранних этнических и социокультурных связей башкир и сибирских татар // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 11 (19).
12. Надь З. Васюган на рубеже столетий: ханты или остяки // Вестник ТГУ. История. 2016. № 5. С. 1–5.
13. Абу-л-гази. Шаджара тюрк-ва-могул // Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивы. М.; Л., 1958.
14. Хаутала Р. Письма францисканцев из Золотой Орды: сведения латинских источников о религиозной политике хана Узбека (1312/13–1341) // ROSSICA ANTIQUA. 2014. № 1.
15. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты / сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2014. Т. 1.
16. Тоган Валиди А. З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
17. Тынышпаев М. Политические выступления, научные труды, документы. Алматы: Казахстан, 2009.
18. Пилипчук Я. Иштякская проблема. Башкиры в эпоху средневековья // Тюркология. 2018. № 5. С. 135–149.
19. Салмин А. К. Угорские племена в истории чувашей // Вестник Чувашского университета. Исторические науки и археология. 2017. № 4. С. 1–5.
20. Юсупов Ю. М. Башкиры в путевых заметках иностранных путешественников XVII в. // Ватандаш. 2010. № 11.
21. Барсуков Е. В. Темерчинская волость и темерчинцы в составе Томского уезда XVII в. // Вестник ТГУ. История. 2015. № 6.
22. Юсупов Р. М. Древние этапы этно- и расогенеза башкир и происхождение этнонимов // Проблемы востоковедения. 2009. № 4 (46). С. 59–61.
23. Закиев М. З. Глубокие этнические корни тюркских народов. Астана: Тюркская Академия, 2011.

24. Акеров Т. Этноним «Иштяк». Об этнополитических связях кыргызов с кочевыми обществами Волжско-Уральского региона // Вестник Международного университета Кыргызстана. 2018. № 4 (37). С. 171–179.
25. Исхаков Д. М., Тычинских З. О шибанидском следе // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2.
26. Исхаков Д. М. Средневековая иштякская общность Приуралья и Зауралья: источниковедческий и конкретно-исторический анализ // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 160–176.
27. Самигулин Г., Маслюженко Д. Понятие «Иштэк»/«Остяк» как соционим (Урал и зауральские уезды конца XVI–XVII вв.) // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.
28. Трепавлов В. В. Иштякско-ногайские взаимоотношения // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 99–112.
29. Сабитов Ж. М. Казахские естек/иштяк // «Иштяки: приуральско-сибирское пограничье». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 116–119.
30. Своеобразие генофонда // История и культура татар Западной Сибири / под ред. З. А. Тычинских. Казань, 2015. С. 32–36.
31. Волков В. Г. Происхождение чатских татар по данным генетики // Сибирский сборник. 2015. Вып. 3. С. 15–18.
32. Сабитов Ж. М., Акчурин М. М. Генеалогия (шежере) и генетические данные по происхождению постордынской родоплеменной аристократии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. Вып. 4. С. 32–36.
33. Барт Ф. Этнические и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006.
34. Стефанович П. С. Новые подходы в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 467–487.
35. Аминев З. Г. Этимология башкирского этнонима «Иштяк» // Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность. Информационно-аналитический бюллетень. 2008. № 7-8.
36. Алсынбаев Н. Дети священного волка (популярная история башкирско-казахских отношений) // Ватандаш. 2015. № 9. С. 65–124.
37. Тулепберганов Г. М. Этнополитические связи казахов и башкир в эпоху правления Абылай хана // Проблемы востоковедения. 2014. № 1 (63).
38. Копеев М. Ж. Собрание сочинений: в 20 т. Павлодар, 2013. Т. 17.
39. Тоган Валиди А. З. Воспоминания. Уфа, 1996. 656 с.
40. Аюпов Т. М. Башкирско-каракалпакские этнокультурные взаимосвязи и происхождение естеков Приаралья // Известия АлтГУ. 2019. № 3. С. 25–29.
41. Артыкбаев Ж. О. Казахское общество XIX в.: традиции и инновации. Караганда. 1993. 330 с.